

Николай Бородин
100. Yurodstvo

Николай Бородин

100. Yurodstvo

«Издательские решения»

Бородин Н. И.

100. Yurodstvo / Н. И. Бородин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501207-4

Сборник стихов от молодого автора из Сибири/ДВ. Любовь, смерть, бог —
этим был вдохновлён сборник. 100 стихов, 100 историй, 100 явлений музыки.

ISBN 978-5-00-501207-4

© Бородин Н. И.
© Издательские решения

Содержание

100 стихов. Юродство	6
7kkk	7
Lo-fi	8
margin	9
август	10
астры	12
белое	13
бугорки	14
быдлоград#2	15
в вагоне	16
в лесу	17
великая Россиюшка	18
веничка	19
весна	20
ветер	21
ветерок	22
вода	23
выд тих!	24
давно	25
дворняжка	26
девочка-дискотека	27
деградация	28
день винтовки	29
дискотека в деревенском думе культуры	30
дорога	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

100. Yurodstvo

Николай Иванович Бородин

© Николай Иванович Бородин, 2019

ISBN 978-5-0050-1207-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

100 стихов. Юродство

Посвящается всем моим мёртвым.

Данный сборник является частью великого русского искусства и великой русской культуры и не имеет ничего общего с экстремистами. Все произведения не имеют никакого сходства с реальностью и являются художественным вымыслом. Также стоит отметить, что автору просто было настолько всё равно, что он никаких стихотворений не упорядочивал – только по алфавиту, не более. Спасибо всем кто прочтёт хотя бы два-три стихотворения, а ещё большее спасибо тем, кто прочтёт их полностью.

Отдельное спасибо также некой Соне (Мэнди) за обложку этой книжечки.

Это стихи, которые я написал до декабря 2018 года.

7kkk

среди песков, среди бела снега,
среди лесов, под синим небом,
над глубиною морской,
на земле вулканических снегов,
на штыках высоких гор,
под водою, над водой,
над землею, во гробах,
в хищной чаще, в поле риса,
под ногами у опричных,
перед божьим пред величием.

Lo-fi

ты вся на помаде,
я весь в олимпийке,
все мы здесь в угаре,
и не только лишь напитки...

я не слышал этот голос
будто тыщу лет,
это мне сказал мой порох,
что он ещё есть.

margin

я родился у окраины седой,
мои волосы, как смоль.
гнилостной своей рукой
доставала меня мать под ночь.

увядая, словно солнце,
в вечер пред Христовым Рождеством,
меж ресничек твоих тонких.
улыбаюсь пред концом,

и потец меня целует,
словно перед снами мать,
а вниманием балует
позабытая моя семья.

я как путник, чужестранник
в мире символов, крестов,
закоптившихся пакетов пьяных,
позабывших про тепло.

и не виден, ненавидим
финишный мой флаг,
только смутно слышен
матерей родимых плач.

август

я упал.
я резал собак
и кидал
их в овраг.

я проспал
сотни лет,
и во снах
ничего уже нет.

и во снах —
пустота,
лучше б воспрял
ото сна

и упал
навсегда,
да туда,
сам не знаю
куда.

не поэт,
не человек
и не темень,
но не свет.

я не ангел,
я не демон.
я не падал
с чиста неба.

все поэты,
а я нет,
все при деле,
а я нет.

кто-то гвоздь
забил хореем,
кто-то гость
под этим небом.

а на улице грибы
сияют серо
всеразличной высоты.
серо.

астры

червь обвивает, как плющ,
смерть на пороге Вселенной,
как и все умрет всемогущ,
захлебнется в падучей пене.

и если уйдем, не проснемся,
за исходом рад буду я,
время песчинкой прольется
как талая марта вода.

а звёзды зажглись, ведь я попросил,
чтоб не утух даже жалкий карлик.
слезы ушли, как давно уже ты.
жалко, что звёзды той я не пара.

на пире напьёмся мы вдоволь,
из чаши с рубином алым,
побежим мы дальше на волю,
и уже кто-то подарит нам астры.

белое

за листопадом снегопад,
за серым дождиком снега.
за тем, что было навсегда,
обычно то, что мимолётом.

а за зимою лишь весна —
иначе не бывает просто,
а за стихами голый образ,
что в шубе слов, метафор, игр.

раздень поэта догола,
оставь его бумаги вдалеке
иль выброси совсем на век,
чтоб позабыл он о стихе.

заставь забыть мольбы
и всхлипы слёзные в ночи,
смотри, как на ребёнка и молчи,
чтоб смог он плач свой позабыть.

бугорки

по подвалам шарился, шарахался,
бродил и искал,
но потом громко закашлялся,
тогда-то поймали его за рукав.

кожа, что пепел
черные легкие, худая спина,
косое его тело,
и с кровью слюна,

идёт как-то раз он по улице,
да кашлянул в карман богачу,
пока богач целуется,
оставляя на мадаме слюну.

и что же вы думали?
болезнь богача обошла?
но нет, через минуту уже —
зараза по карманам пошла!

бедняку кашлянул на монету,
и кинув её бедняку.
бугорка этим летом,
ударил нищего и несчастного по нутру.

никто никогда не сбежит,
на коне не ускачет никто,
ведь эта зараза лежит
в тельце мягком твоём.

быдлоград#2

здравствуй, город быдлоград,
бычки, торчки и солнце,
здравствуй, город быдлоград,
камни в закоптевших окнах,

переходы, подворотни, светофоры,
зелень майских тополей —
это всё родные формы,
это всё во мне —

в моих глазах, за серой тенью,
в кучме придорожный фонарей,
а в моих карманах деньги,
чтоб скупить честных людей.

город гопников, поэтов,
град из копоты и ветра,
из панелек, монолитов,
из людей, что триппер
поедает на обед.

больного бред —
вот мой город – серь да голод,
черная сырая твердь,
шепот, стоны, серп и молот,
да распахнутая дверь.

В вагоне

в вагоне зелёном,
что стены у дурки,
глухие окурки,
бухие утырки,
пустые бутылки,
блатные и урки,
блатные аккорды.
меж вагонов – харкота,
на сиденьях – наркота,
запах гнили и пота.

В лесу

шатуны проснулись в лесу —
глаза их красны да страшны.
в середине седой зимы
дым кровный клубится в бору.

их сон потревожили зря,
лучше б до первых проталин
пробыли в берлогах, проспали
теперь уж тревожат тебя...

шатуны побредут за охотником
по лыжным его следам,
по заснеженным по лесам,
глухими и белыми тропками.

великая Россиюшка

ка-
пал дождь,
ска-
зал вождь:

«за Россию, за велику,
мы распяли всех врагов
и побили мы сто ликов,
за идеи от дедов!

мы прошлися смехом красным
желто-черно-белую ногой,
приударили по пасти
жалких басурманов-дураков»

из толпы ответный крик,
будто лозунг прозвучал:
«даёшь Россию в мир,
чтобы каждый китаёза знал,

что такое есть «Россия»,
чтобы не рубил леса Сибири,
а платил нам просто так,
а то слишком многого хотят!»

факелы зажглись на площадях,
облака не видно даже!
всех свободных россиян
отпустили дальше:
со штыком-ножом
и великим автоматом.

Веничка

берем водки Столичной,
добавляем пива прилично,
заливаем бензина,
разбавляем мезима.

и пьем это, пока не умрем,
пока ты живьем,
пока бьется сердце,
можно добавить перца.

весна

я пройду сотни улиц по осени,
запачкав чёрны свои сапоги,
так страшно до робости,
если вдруг и не будет весны.

я же сам своего рода весна
в суматохе тюрьмы человека,
на лице лучик солнца блистал,
пожирая бледную кожу снега.

зелёную краскою жизни
весна рисует пейзажи лесов.
на старом чужом пианино,
подбирая капли звон,

играет она ноктюрны,
грустные, как Хроноса смех,
напевая лишь голосом юным,
мотивы оттаявших рек.

и всё же придёт на смену зиме,
как бы я не боялся, дрожа.
да, она будет чуть позже,
но и я готов подождать...

ветер

как ветер свят, что буря и покой,
что обнажает древо осенью златой,
что бьёт волнами о скалу, создав шумок,
что зимнею порою накидал снежок
чтоб ты следов не оставлял, чуть шаг свой за порог.
а в мае нежно поцелуем греет кровь,
рубцы и шрамы обножив от прошлых твоих снов,
а летом ветром шелестит парад березовых лесов.
он так похож всегда, одновременно вовсе не похож.

ветерок

эй байкальский ветерок,
уведи на восток
от сует и тягомот.

ты подальше уведи,
там где не было ноги,
любо дорого где жить.

и я буду благодарен,
я зажгу сотни костров,
я забуду серый камень
от бетонных гробов

пока синька не убила,
праотцов и потомков
дай мне больше силы
чтоб не стать подонком.

ВОДА

волна от камня окаймила воду,
ударяясь в солнца яркий луч.
и новая, под старым теплоходом,
бежит уже волна, как поцелуй,

на берег серый и бездетный,
где резали русалочие сны,
где похоронен старый леший,
где позабыты по воде венки,

где вьюга целовала щёки,
помадой самой красною из всех,
и старец, перебирая чётки,
просил спасенья у небес

под закоптившимся белёсым потолком,
со свечкой золотого воска.
о берег, где плачут как за упокой,
так и за то, что в этот мир приходим.

где у воды святое и великое значенье —
она и святой лекарь, и последний урка,
что только ради развлечения
готов убить за собственный проступок.

ВЫД ТИХ!

рвите страницы, пишите на них
свой яростный громкий клич,
или же просто красный крик,
пишите свой собственный стих.

можно без слов,
а можно без слога,
можно без строф,
можно без ритма какого.

по не пя,
а по на сов!
огр лоп сб!!!
шт выд тих...

грл пв...
грл пв, кч
в п рс,
а пм мр...

давно

Камня на камне я не оставил,
разрушил последний замок.
Я умер давно, за мною останки,
кости, могилы, гранит и упадок.

Я сломал все, что сам же создал,
чего и не создал я сам
за мною полный развал,
словно я смерч-ураган,

я разрушаю построенный храм,
заливаю водой, будто цунами
выжигая огнем, словно напалм.
Счастье близко для вас, мне – за горами.

дворняжка

собаку задушили и зарезали ножом,
чтобы не устроила Гоморру и Содом,
чтоб не сожрала крайние куски,
чтобы не лизала голодные виски.

театры загорелись и все куклы погорели,
но об этом замолчали святые менестрели,
лишь облили водочкой и поставили венок,
да достали с полочки прокисшее вино.

безумцы умирают, едва ли это хорошо,
ведь по полудню исчезают тени и слушок,
пыль по полю полетит, да и щепки с нею,
гвозди забиваются в артерию под шей.

ДЕВОЧКА-ДИСКОТЕКА

моя девочка родная,
ты на рейве зажигаешь.
под гитарку у подъезда
сигаретку кто-то стрельнул.

провожаешь свою юность,
хотя хочется так плюнуть,
на все джинсы и на песни,
и так хочется всем треснуть...

разломать эту гитару,
чтобы просто без запары
захотелось жить скорее,
даже без спилов и геры.

потушить бы с кнопкой бонд
и уйти скорее в дом,
смыть с себя всю эту пошлость
чтобы не было так тошно

олимпийка, будто с мамы,
ну а мама дома плачет,
ведь она всё понимает,
что дочурку потеряла,

ты продашься за кристаллы,
жалко что не про алмазы,
хотя ты всё понимаешь,
ведь на вписке дозу ставишь.

вот и ты совсем во сне,
и так дороги все здесь,
хоть и раньше презирала.
их людьми не считала...

деградация

убей в себе философа,
потуши об него бычок,
сожги его белым фосфором,
запихни головой в толчок,

запинай ботинком усатика,
доведи его до безумства,
чтоб никогда не сомневался,
никогда чтобы не было пульса

зарезь и свари супчик
из вкуснейших его мозгов,
чтобы бородатый русский
не рвал в девяностых оков

ударь со всею злостью
табуреткой по голове
того, кому ненавистен
даже последний еврей

устрой холокост умнейших,
выдави интеллекта прыщ,
докажи, что ты не педик,
докажи, что не тупой пыщ!

на помойку выкинь «Государя»
порежь ему горло ножом,
сам сядь в бочку и не парься,
чем же ты окружен.

ДЕНЬ ВИНТОВКИ

сегодня праздник для ружья,
мне голос рассказал во тьме,
что нет прекрасней бытия,
чем плевков свинца по голове.

дискотека в деревенском думе культуры

Захожу на ту'сню в клуб
и курю свой беломор,
на мне свитер и пальто,
но из новых, а не старь.
Если носишь адидас,
по понятиям живешь,
то респект тебе кидаем,
если нет – в бочину нож
заправляю, как штанцы,
за меня все пацаны.
Ты снимай свой стоун айленд,
даже если и не паль,
а иначе захаркаем
и заставим кофту снять.
Кто же в этом виноват,
что носить палёный шмот
хуже, чем убить дитя.
А твой носик просто в кровь,
мы размажем щас по стенке,
коль не дашь нам сигаретки.
А я слушаю рэпак,
а ты пасть не открывай,
про вонючий свой постпанк.
Я танцую здесь тиктоник,
и все девушки мои,
если ты ещё не понял:
отсюда быстро убеги.
Я здесь во вниманьи тёлоч.
Не скрывая всех наколок:
купалов иди крестов
бью лошков в дыхло».
Я нормальный, а ты нет,
я не вижу твоих берц:
на тебе лишь вэнсы ссанны.
Ты отправишься в нирвану,
коль не смог ты пояснить,
что ты можешь здесь носить.
Ты на диско в первый раз
или с города приехал?
Мне без разницы, братан,
я так четко целюсь в челюсть.
Я не беспредельщик, просто
не умеешь защитить,
свой прекрасный носик,
ты готовь напамаженные щи.

дорога

ниточкою длинной, по русскому полю
стелится дорога,
не понять её боли.

ходили по ней, как будто по мукам,
топтали, топтали ногой.
она будет всегда, но будет ей туго,
покуда по ней мы идем.

пускай зарастет она травкою
и пыль превратится в дёрн,
она итак настрадалась,
её превратили в поток —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.